

ЕЛЕНА АСАТУРОВА

ПРОКЛЯТИЕ

ПОКИНУТЫХ ДУШ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А90

Оформление серии *Д. Васильченко*

Редактор серии *П. Корицкая*

Асатунова, Елена Владиславовна.

А90 Проклятие покинутых душ : роман / Елена Асатунова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221863-7

Художника и реставратора Киру Демину приглашают в качестве эксперта для оценки росписей, обнаруженных в особняке, где теперь находится детский дом.

С прежними владельцами связаны легенды... и серьезные подозрения — в пропаже воспитанников детдома и недавнем убийстве...

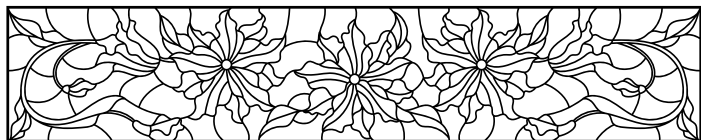
Опытный следователь Игорь Савельев и профайлер Инга Вольская уверены, что в Ладожске орудует маньяк.

Кто станет его следующей жертвой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Асатунова Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221863-7

Пролог

Ладожск¹, усадьба Томилиных

Декабрь 1917 года

— Похоже, дедушка совсем выжил из ума, коли собрался всю коллекцию рода Томилиных отдать новым властям. — Николенька Штрауб, меривший шагами гостиную, тщетно зывал к матери, которая сидела в кресле, безвольно уронив руки.

Перед ним была бледная и какая-то бесцветная женщина средних лет, из которой раннее вдовство и суровый нрав отца, Евгения Григорьевича Томила, казалось, высосали все жизненные соки. Она невольно любовалась сыном. Статная фигура, решительные движения и строгий, будто высеченный из мрамора, профиль так напоминали о его папе, Отто Штраубе.

Родство с военным из обедневшей немецкой семьи, которая осела в России еще при императоре Павле I, никогда не нравилось потомственному дворянину Томилину. И хотя провинциаль-

---

¹ Название вымышленное, возможное совпадение с реально существующим городом случайно.

ная дворянская династия не слыла очень богатой, Евгению Григорьевичу было чем гордиться. Чего стоила коллекция картин, которую начал собирать еще дед, Александр Романович, участник войны 1812 года, предводитель уезда и владелец первого в округе кирпичного завода, известный меценат и благодетель. Его гостеприимная усадьба в первой половине XIX века была местом, где охотно и с достоинством принимали художников, музыкантов, литераторов. На живописном берегу реки Волхов они встречали радушный прием: на столах всегда были свежайшие продукты из собственного хозяйства Томилиных, включая домашние наливки и квас, мед и сахарные головы к чаю, а также соленья и варенья, заготовкой которых каждое лето руководила хозяйка, Варвара Парамоновна. Помимо видов на речные просторы и самой усадьбы, окруженной парком с березовыми и липовыми аллеями и плодоносящим садом, живописцев привлекали красочные праздники и ярмарки, которые устраивал Александр Романович. Гостившие у Томилиных художники запечатлели и господский дом с лестницей из известковых плит, ведущей к прудам с карпами, и портреты супружеской четы, и деревенский быт Ладожска.

Безошибочная интуиция и прекрасный вкус Александра Томилина позволяли ему разглядеть будущих мастеров даже в начинающих живописцах, которые оставляли ему свои полотна в благодарность за гостеприимство. Так начала собираться коллекция, которую дворянин пополнял на аукционах, скупая работы не только русских, но

ПРОКЛЯТИЕ ПОКИНУТЫХ ДУШ

и западноевропейских художников. Один из его подопечных, итальянец, расписал стены этой полукруглой залы с камином, где устраивались елки для детворы и рождественские балы для помещиков и заезжей знати.

Когда собрание картин разрослось, Александр Романович построил для него дом-флигель из кирпича, соединив его с основным зданием крытой галереей. Выставка была открыта для публики, посмотреть на коллекцию Томилина приезжали искусствоведы из Москвы и Петербурга, о ней писали в газетах.

После его кончины наследники не только сберегли, но продолжили пополнять собрание картин. И нынешний глава семейства, Евгений Григорьевич, до революции принимал в усадьбе Томилиных известных живописцев.

Октябрьские события и последовавшая за ними смута пока обходили их дом стороной. Видимо, сказывался авторитет Томилиных даже среди рабочих и крестьян уезда. Но тем не менее кирпичный завод экспроприировали, так же как все уголья, конюшню, рыбные пруды. На днях из губернского революционного комитета Евгению Григорьевичу принесли постановление о размещении во флигеле детского приюта. Надо было спасти коллекцию от разграбления, и единственным выходом Томилин-старший видел передачу ее в Русский музей, с которым вел переписку. О своем решении он безапелляционно сообщил домочадцам: пожилой и начинающей впадать в маразм супруге, дочери Марии и внуку Николаю. Женщины

отнеслись к этому равнодушно, а вот Николенька был возмущен и пытался противостоять властному деду, но безуспешно.

Мария Евгеньевна, несмотря на разожженный в зале камин, зябко куталась в шаль. На коленях лежал так и не раскрытый журнал «Дамский мир»¹, который она по привычке взяла из библиотеки.

— Николенька, родной, ты же знаешь, что спорить с дедом бесполезно. Он все всегда делает по-своему. Такая уж наша порода.

— Но это и моя порода тоже! — воскликнул юноша, и его звонкий голос эхом отозвался в пустом и просторном помещении. Всю мебель, кроме пары обтянутых гобеленом кресел и инкрустированного ломберного столика, по распоряжению хозяина перенесли в другие комнаты. Залу, примыкающую к галерее, было решено освободить и запереть, чтобы будущие воспитанники приюта не устроили в ней беспорядка и, чего доброго, не разожгли костер. — Я не могу согласиться с этим. Дед хочет нас разорить. К тому же коллекция всегда, более века, принадлежала роду Томилиных. Помнится, ты сама говорила, что прадед, Александр Романович, завещал ее приумножать и беречь!

— Не кричи, прошу тебя, — почти простонала женщина, сжимая дрожащими пальцами виски. —

---

¹ Журнал «Дамский мир» издавался в Петербурге-Петрограде с 1907 по 1917 г. Он содержал не только новости моды, инструкции по шитью и рукоделию, но и кулинарные рецепты, литературные произведения, обзоры музыкальной и театральной жизни.

ПРОКЛЯТИЕ ПОКИНУТЫХ ДУШ

От шума у меня раскалывается голова. Все равно это ни к чему не приведет. Картины уже готовят к перевозке, пакуют в ящики. Ты бы лучше помог, проследил, чтобы ничего не повредили. Кто знает, вдруг все изменится, пройдет, как страшный сон, и коллекция вернется в Ладожск.

— Ох, маменька, очнись, посмотри, что кругом творится! Говорил же наш сосед, Сероглазов, еще месяц назад, что надо бежать, пока все не отобрали, не разграбили. Хорошо, что Элен с родителями смогли уехать. Она, кстати, прислала мне письмо из Выборга, где они пока остановились. Но говорит, что и там беспокойно, хотят двигаться дальше, в Болгарию. Нам тоже надо собираться! Как вы с дедом не понимаете: сегодня они забирают флигель для беспризорников, завтра ты будешь этому отребью варить суп на обед, а через неделю они будут спать на твоей кровати, выселив нас в сарай или, того хуже, расстреляв. И я, сын героя, павшего в битве при Гумбиннене¹, должен спокойно на это смотреть?

— Но как мы оставим стариков? Ты же видишь, бабушка совсем плоха, куда ее везти? А мой отец? Он никогда не двинется из своего дома, скорее умрет здесь, чем на чужбине. Смирись и ты, Николайка, нет нам иной дороги...

Николай хотел что-то ответить, но сдержался и, сжав кулаки, отвернулся к окну. В былые вре-

---

¹ Первое сражение на восточном фронте Первой мировой войны. Произошло во время Восточно-Прусской операции 1914 года. Завершилось победой русских войск и уходом германских частей.

мена в эти предновогодние дни на подъездной дорожке горели бы огни, один за другим прибывали бы экипажи с нарядными гостями, у дверей слышался бы шум приветствий и залихватский смех детворы, спешившей к пахнущей хвоей елке. Рождественское деревце, украшенное ангелочками из ваты и серебристого картона, китайскими фонариками, гирляндами разноцветных блестящих бумажных лент, флажками и золотыми яблоками, венчала бы Вифлеемская звезда, а под ним ставили бы резной деревянный вертеп — подарок одного из мастеров, гостивших в усадьбе. Сейчас дорожки лежали в снегу, сквозь пелену было не разглядеть ни сада, ни реки, на спуске к которой всегда устраивали горку для катания на санках. На подносе в прихожей ни одного приглашения на обед или чаепитие, ни одной карточки визитеров. Даже с кухни не тянет привычным запахом рождественского штруделя, который всегда пекли в память о погибшем отце. Невеселые праздники их ожидают. Вспоминая беззаботное детство, полное игр и забав, Николай Штрауб вдруг понял, что выход все это время был у него под носом. В голове тотчас сложился дерзкий и потому обреченный на успех план. Нащупав в кармане сюртука конверт с письмом невесты, улыбчивой и немного ветреной Элен, он подошел к креслу, поправил шаль на плечах матери, нежно поцеловав ее в рано поседевшие волосы, подбросил полено в камин.

— Отдохни, согрейся, маменька. Думаю, ты права — пойду помогу с упаковкой коллекции.

ПРОКЛЯТИЕ ПОКИНУТЫХ ДУШ

Лишние руки не помешают. А после будем пить чай с твоим любимым вишневым вареньем.

И, оставив Марию Евгеньевну одну, решительным шагом проследовал через галерею во флигель. Он не позволит лишиться себя наследства Томилиных...

* * *

Во флигеле усадьбы, служившем картинной галереей, царили суэта и бестолковое волнение. Евгений Григорьевич, сухощавый, но крепкий старик, к семидесяти шести годам сохранивший и зрение, и выправку, постукивая палкой с медным набалдашником, руководил упаковкой картин, делая пометки на разлинованных листах бумаги с фамильным гербом. Помощников у него было немного: секретарь Ионин, невзрачный лысоватый мужчина лет пятидесяти, в теплой жилетке поверх сюртука, снимал полотна со стен и диктовал атрибуты, рябая горничная Пелагея, единственная, не считая кухарки, оставшаяся прислуга в усадьбе, заворачивала их в плотную вощеную бумагу, перевязывала бечевкой, а ее сын Тимошка, мальчонка лет двенадцати, укладывал упакованные картины в специально приготовленные деревянные ящики. Дворник Егорыч в обрезанных валенках, выдавшей виды кацавейке, пропахшей махоркой, эти ящики заколачивал и нагромождал их друг на друга в коридоре. Завтра их погрузят на подводы, чтобы отвезти на станцию и отправить в Петербург, в музей. Уже смеркалось, а работы было невпроворот, поэтому появление Николая всех обрадо-

вало. Даже обычно не проявлявший эмоций дед благосклонно улыбнулся и пробормотал что-то одобряющее.

Юноша вызвался помогать укладывать картины и таскать ящики. Дело пошло быстрее, появилась надежда успеть все завершить до ужина. Тимошку послали на кухню передать распоряжения хозяина, который решил по такому случаю угостить всех работников и велел подать на стол не только домашнюю наливку, но и заграничный портвейн, и графинчик водки.

— И скажи Марии Евгеньевне, чтобы проследила и не забыла копченого ладожского сига подать, — напутствовал Томилин пацаненка. — А тебе леденца пусть даст малинового, заслужил.

Наконец большая часть коллекции была надежно упакована и готова к отправке. Оглядев опустевшие стены, Евгений Григорьевич тяжело вздохнул, перекрестился и в сопровождении секретаря удалился в кабинет завершить составление описи и переодеться к ужину. Пелагея поспешила помочь на кухне и в столовой, а Егорыч отправился на двор выкурить папироску — в доме курение было под строжайшим запретом, лишь во время званных обедов гостям позволялось подымить сигарой в специально отведенной комнате. Николенька вызвался еще раз проверить все комнаты во флигеле и запереть двери, чем снова заслужил одобрение деда.

В столовой он появился последним, когда все уже расселись: Томилин-старший во главе стола, дочь с женой справа от него, Ионин слева. Кухар-

ПРОКЛЯТИЕ ПОКИНУТЫХ ДУШ

ка, горничная и дворник ужинали на кухне, но им тоже разрешили выпить вина, а Егорычу — водки. Николай, извинившись, занял место напротив деда.

— Во флигеле полный порядок, я все запер, так что с утра достаточно будет открыть только дверь, что со двора ведет в коридор, нечего грузчикам лишний раз топтаться. А остальные ключи я отнес в кабинет.

— Молодец, — похвалил внука Евгений Григорьевич. — Видишь, Машенька, правильный у нас с тобой вырос человек, нашей породы, томилинской. Ну-с, выпьем за труды праведные и наступающее Рождество. Давай, Николенька, налегай на закуски. Чай, проголодался.

— Как волк голоден, дедушка. — Юноша рассмеялся, наполняя тарелку дымящейся картошкой, масляным золотистым сигом и обязательными для зимы домашними соленьями: хрустящими огурцами, мочеными помидорами, квашеной капустой.

— Голодный волк сильнее сытой собаки, — вдруг не к месту пробормотала старшая Томилина, рассеянно крошившая хлеб прямо на скатерть.

— Полно вам, маменька. — Мария Евгеньевна ласково отобрала у старушки кусок булки, вложила ей в руку вилку с нацепленным кусочком жареного цыпленка. — Вот, покушайте лучше.

Все облегченно вздохнули, и ужин продолжился без происшествий...

Давно погасли огни в окнах усадьбы. Прислуга крепко спала в людской избе, которая находилась за садом, около конюшни и бани. Разошлись по

своим спальням и Томилины. За окнами протяжно завывала разгулявшаяся к ночи метель. Даже дворовые собаки не подавали голос, забившись в будки от непогоды. Тихо скрипнула дверь — это Николай выглянул из своей комнаты, осторожно прошел по коридору, прислушался. Справа доносились похрапывание деда и сонное бормотание бабушки. Из спальни Марии не долетало ни звука, она крепко спала после выпитого портвейна. Николенька, постояв несколько минут, спустился по лестнице, подсвечивая себе большим керосиновым фонарем, и, стараясь не шуметь, устремился в каминную залу. В отблесках фонаря его тень металась по расписанным стенам, придавая изображенным на них сценам зловещий вид.

Из кармана стеганого шелкового халата, накинутого поверх рубашки и брюк, он достал ключ, отпер дверь в галерею, которая соединяла дом с флигелем. Затворив ее за собой, запер, чтобы никто не смог войти. В дальнем углу высился массивный шкаф, в котором хранился ненужный хозяйственный инвентарь, сломанные ракетки для лаун-тенниса, старые чемоданы и шляпные картонки. Юноша начал быстро освобождать внутреннее пространство шкафа от этого хлама. Вскоре оно опустело, Николай зашел в шкаф, как в купе поезда, пошарил рукой по его стенкам. Наконец нащупал нужный выступ, и задняя стенка шкафа отъехала в сторону, открывая узкий проход: довольно крутые каменные ступени вели в подвал. Он был прорыт под всем господским домом, но им никогда не пользовались. Возможно, нынеш-

ПРОКЛЯТИЕ ПОКИНУТЫХ ДУШ

ние хозяева вообще не знали о его существовании. А зачем это тайное убежище было спроектировано самым первым владельцем, Александром Романовичем Томилиным, ни в каких домашних архивах не упоминалось.

Николенька открыл его случайно, еще будучи ребенком. Играли в прятки с кузенами, которые приехали погостить, и лучшего места, чем старый шкаф, было не найти. Тем более что мальчишки побаивались мрачной галереи и старались без взрослых в нее не заходить. Так что, спрятавшись там, можно было выйти победителем: тебя бы никто не обнаружил. В тот раз игра затянулась, кто-то все-таки отважился заглянуть и в галерею, но топтался в самом начале, возле каминного зала. Николенька решил забраться поглубже, чтобы надежнее спрятаться, оперся рукой о стенку шкафа и чуть не скатился по ступенькам в подвал. Оттуда тянуло пылью и прохладой. Николенька не боялся темноты, но спускаться вниз не решился. Про свое открытие он никому не рассказал и через пару дней, улучив момент, вернулся к шкафу с фонариком. Этот фонарик с плоской батареей, на ползунковом переключателе, в латунном корпусе с орнаментом в стиле модерн он стащил из кабинета деда, где тот хранил всякие интересные вещицы типа барометра, компаса, старинной чернильницы и коллекции карманных часов на цепочке. Но дед уехал на какую-то выставку в Петербург, поэтому пропажи никто не заметил. И, пока мать с бабушкой пили чай в компании соседки, купчихи Сероглазовой, которая обычно не менее па-